

Шэнь Чжэньяо жил один в квартире с тремя спальнями и гостиной. Две комнаты он объединил, так что спальня и кабинет теперь представляли собой единое целое — всё ради того, чтобы после изнурительной игры можно было дойти до кровати всего за пару шагов. В доме было одновременно очень беспорядочно и в то же время чисто: регулярно приходила помощница по хозяйству. Шэнь Чжэньяо закрыл дверь, скинул обувь и направился напрямик в ванную.

— Тапочки в обувном шкафу, поищи там себе пару, — бросил он, а пройдя несколько шагов, обернулся и добавил: — Не хочешь помыться вместе?

— Я сам, — отрезал Гу Ци.

— Ты что, стесняешься? У тебя и правда слишком тонкая кожа, — усмехнулся Шэнь Чжэньяо. Он начал раздеваться, заходя в ванную, чтобы смыть с себя липкий пот.

Тёплая вода струилась по телу, и мысли невольно вернулись к сегодняшним событиям, а следом и к прошлому. Как ни крути, Гу Ци жил примерно так же, как и он сам, но поставь Шэнь Чжэньяо на его место — он бы, скорее всего, и дня не выдержал. В этом смысле он даже восхищался им: Гу Ци умел терпеть. От этой мысли внизу живота стало тяжелее, а интерес к парню лишь разгорелся с новой силой.

Когда Шэнь Чжэньяо вышел из душа, Гу Ци стоял на балконе и смотрел вниз, на детей, которые весело прыгали через скакалку.

— Это всего лишь второй этаж. Если прыгнешь — не насмерть, максимум калекой останешься, — сказал Шэнь Чжэньяо, подходя ближе.

Гу Ци развернулся, даже не взглянув на него, и, обойдя хозяина дома, скрылся в ванной. Шэнь Чжэньяо приподнял бровь, подошёл к холодильнику, достал банку пива и принялся неспешно потягивать её. Через некоторое время он бесцельно прошёлся по квартире и остановился у двери в ванную. Послушав шум воды, он открыл дверь и вошел внутрь.

Увидев обнажённую, бледную спину Гу Ци, по которой стекали капли воды, Шэнь Чжэньяо мгновенно возбудился. Он поставил пиво на умывальник, подошел к парню и провел рукой по самой узкой линии его талии. Кожа была приятной на ощупь, скользкой от геля для душа, вот только мышцы под его прикосновениями напряглись до предела.

— Расслабься, — прошептал Шэнь Чжэньяо, склонившись и слегка покусывая его лопатку.

Вторая рука скользнула вперед, охватывая и сжимая всё ещё вялое естество Гу Ци.

Гу Ци плотно сжал губы, упершись руками в стену. Всем своим видом он выражал сопротивление, но вынужден был терпеть, и это лишь распаляло Шэнь Чжэньяо ещё сильнее.

— Малыш, знаешь что? Еще в тот день, когда ты раздавал листовки, я захотел тебя поймать, — Шэнь Чжэньяо нарочно надавил сильнее. Услышав сдавленный стон, он тихо рассмеялся и добавил: — Хочу посмотреть, как ты будешь извиваться, когда я доведу тебя до предела.

Гу Ци развернулся и оттолкнул его, раздраженно бросив:

— Если собрался что-то делать — делай быстрее, к чему столько болтовни?

— Куда спешишь? Я столько денег потратил, неужели не должен как следует насладиться? — Шэнь Чжэньяо надавил ему на плечи и резким движением заставил опуститься на колени перед собой. Тяжело дыша, он произнес: — Теперь можем начать?

Гу Ци закусил губы до крови. Вода из душа лилась прямо в лицо, не давая открыть глаза, и в конце концов, смирившись с судьбой, он открыл рот и взял его в себя.

Долгое время ванную наполняли лишь тяжелое дыхание и звуки кашля. Шэнь Чжэньяо, упершись руками в стену, переждал остаточное возбуждение, после чего посмотрел на Гу Ци, который, скрючившись у унитаза, кашлял так, словно хотел вывернуть себя наизнанку.

— Да ладно тебе, неужели настолько противно? Твою мать! — Шэнь Чжэньяо вмиг растерял всё желание и, включив душ, начал смывать с себя остатки близости.

Глаза Гу Ци покраснели, грудная клетка тяжело вздымалась, а на руке, вцепившейся в край унитаза, вздулись вены. Казалось, он сейчас выплюнет собственные внутренности.

Шэнь Чжэньяо выключил воду, набрал в стакан для полоскания воды и поставил перед ним. Пнув парня ногой, он проворчал:

— Ты умеешь испортить настроение. Всё ведь было по обоюдному согласию, а ведешь себя так, будто я тебя силком заставил.

Сказав это, он вышел и с грохотом захлопнул за собой дверь.

Гу Ци опустил крышку унитаза. Даже после бесконечных полосканий тошнотворный привкус не исчезал. Он не плакал — внутри была лишь выжженная пустыня. Боль достигла той стадии, когда наступает оцепенение: если глубоко порезать себя ножом, из глаз потекут слёзы, но если нанести десять ран подряд, то после первой же острой боли чувства притупляются, а нервные окончания просто перестают что-либо ощущать.